

ВЕРА ТАРИВЕРДИЕВА (КОЛОСОВА)

МОЙ ОТЕЦ – ГОРИСЛАВ ВАЛЕНТИНОВИЧ КОЛОСОВ...

Отец был быстр на решения. В какой-то момент он решил, что нам нужно уехать из Алма-Аты. Для мамы это было шокирующей новостью. Налаженный быт, работа, круг друзей, всё – держало и говорило против. А меня вдохновляла эта перспектива. Я была студенткой третьего курса музыкального училища, когда родители обсуждали этот поворотный момент нашей жизни. Отец разослал свое резюме по 17 вузам СССР. Был он человеком известным в своих научных журналистских кругах. И очень скоро получил первое приглашение. В Воронеж. Возглавить кафедру, а в перспективе – создать факультет.

Мама никак не могла решиться. Тогда спросили меня: хочу ли я этой перемены. В Воронеже никто никогда из нас не был. Но упоминание, что до Москвы одна ночь на поезде – решило дело. Я поддержала отца. Это был, наверное, первый раз в моей жизни, когда меня спросили. И мы собрались.

Ехали мы с отцом на поезде, захватив лишь самое необходимое. Сделали остановку в Москве. Это было в начале марта 1975 года. Весна в тот год была ранней. Всё таяло, текло, отчаянно светило солнце. В Москве мы с отцом ходили в МГУ, на Моховую. Там он встречался со своими коллегами, которых я тоже знала – Я.Н. Засурским, Е.П. Прохоровым. Они бывали у нас в Алма-Ате. Сходили в Большой театр на «Кармен». Но нужно было спешить в Воронеж.

...Нас встретили люди с кафедры. Отвезли в университетскую общагу на улице Энгельса. Мы разместились и пошли гулять по городу. Я очень хорошо помню эту прогулку. И как меня поразил Главпочтамт на проспекте Революции: одноэтажное здание с лужей у входа.

Еще в Алма-Ате отец получил телеграмму. О том, что нашей семье выделена квартира на Хользунова. Ректор повез отца ее смотреть. Они застряли в

лифте. И тогда отец сказал ректору, что на окраину города он не поедет. Если не будет квартиры в центре, то мы вернемся в Алма-Ату. Надо сказать, что отца очень не хотели отпускать из КазГУ.

Ректор пообещал. Мы с отцом застряли в общаге еще на полгода в ожидании квартиры в строящемся доме на Энгельса.

Туда же, в университетскую общагу прибыл первый контейнер, а с ним мое пианино, часть родительской библиотеки. Вот так начиналась наша жизнь в Воронеже...

Отец с головой ушел в работу. Он всегда легко общался со всеми. Для него никогда не было разницы, с кем он общается. Уборщицей, студентом, профессором, начальником. Тогда мне это казалось нормой. А сейчас я удивляюсь и восхищаюсь этим его качеством. У него никогда не было желания быть первым. Он был другим, не таким, как все. Он был самим собой, и это, и только это его устраивало.

Осенью мы переехали на Энгельса. Приехала мама. Прибыло всё остальное наше имущество. Библиотека, мебель, утварь. И новая квартира стала похожа на старую алма-атинскую. Как будто переехал дом. Собственно так переезжали мои родители: со своим миром. Так же они переехали в Новосибирск, перевезя библиотеку и старую мебель. И это замечательно: приезжаешь к ним и чувствуешь, что ты дома. До сих пор у мамы еще алма-атинская мебель.

Я помню один из наших самых первых вечеров в Воронеже. Екатерина Михайловна Иванова, доцент кафедры журналистики, пригласила нас вечером в гости. Мы охотно отправились. Екатерина Михайловна была даже удивлена, с какой легкостью и приязнью папа принял приглашение. Там, в Воронеже, я нашла своих первых друзей – дочерей Е.М. – Машу и Олю Козьминых.

Отец пригласил всех членов кафедры, независимо от того, чем они занимались, на новоселье. Это многих удивило. Но такими были мои родители – всегда общительными, гостеприимными, хебосольными.

Родители часто очень тепло вспоминали годы, проведенные в Воронеже. Заведующая кафедрой, на которой работала мама, Зинаида Даниловна Попова – мамина давняя подруга и коллега, с которой мама пересекалась прежде многократно на конференциях, у своего учителя в Москве, Ломтева Тимофея Петровича. Дом Зинаиды Даниловны и ее семья стали поддержкой в то время непростой адаптации на новом месте.

Для родителей всегда было очень важно, как они работают, как эффективно прилагают свои таланты в этом. А они талантливые и неординарные люди. В этом смысле в Воронеже им всегда было комфортно. Мама защитила докторскую диссертацию в Ленинграде, будучи доцентом ВГУ.

С отцом у них никогда не было соперничества. Я бы даже сказала так, что в нашей семье всегда карьера отца, его работа были приоритетными. Мама, например, вообще никогда бы не согласилась заведовать кафедрой или заниматься административной работой. А отец это любил.

Он строил факультет так, как бы строил дом для своей семьи.

Я помню его рассказ о походе в ЦК в Москве. Он хотел, чтобы факультет был передовым. По его мнению, для этого нужна была современная учебная радиотелестудия. И он пошел «выбивать» ее в ЦК. И у него это получилось.

Я привыкла к тому, что в нашем доме всегда было много людей. У нас часто бывали коллеги и друзья моих родителей, однокурсники моей сестры и мои, просто наши друзья. А уж студенты и аспиранты моих родителей были завсегдатаями. Я помню, у отца был дипломник из Ирака. Потом он был его аспирантом. Он был женат на студентке ВГУ, тоже из Ирака. У них родился ребенок. Мама ходила к ним в общежитие, учила, как купать ребенка. Естественно, они бывали у нас дома, как и студенты, аспиранты из Франции, Англии, Германии. По-

Горислав Валентинович
Колосов

том этот папин дипломник стал Министром иностранных дел Ирака (в правительстве Саддама). Когда выезжал из страны, непременно звонил, справлялся о здоровье. У нас бывало много людей. Приходили, как к родным. Так жили мои родители. И по-другому не умели...

Папа любил элегантные костюмы. И каким-то странным образом для советского времени они у него были. Он играл «Марш» Шуберта и «Сон война» на старом «Беккере» – первом моем инструменте, пианино моего детства. На нем были подсвечники и клавиши цвета поблекших фотографий из слоновой кости. Этот инструмент прибыл в Кызыл-орду, а потом в Алма-Ату, проследовав по пути перемещения с Запада на

Восток с семьей деда. В Казахстан отца привезли шестилетним мальчиком...

Я не знаю, откуда у отца была страсть выращивать. Мне было лет восемь, когда он решил купить дачу. Шесть соток в дачном поселке военных отставников над Алма-Атой. Именно – над, а не под. У отставного полковника. На участке было много фруктовых деревьев, которые были посажены не вдоль, а поперек, не как у всех...

Папа всегда любил путешествия. Наверное, правильнее сказать – походы. В Алма-Ате он часто уходил в горы. В Воронеже такой возможности не было. Отец купил машину (его давняя мечта, которую он осуществил именно в Воронеже, в Алма-Ате у него был мопед), мы выезжали за город, в лес. Летом проводили время в университетском лагере в Веновитиново. Они с мамой ездили на машине в Крым, Пятигорск... Один раз и мы с сестрой ездили с папой на Азовское море. И везде у отца, да и у мамы, были их бывшие студенты.

...Не так давно у нас был концерт в Астане. После концерта ко мне подошел немолодой уже человек и обнял меня, сказав, что он – ученик Горислава Валентиновича...

Папа любил на машине ездить по районам, проверять, как проходит студенческая практика. Или как вообще работают районные газеты. Он мог просто без предупреждения прийти, спросить, где тут у вас туалет, например. Его узнавали. Он всем живо интересовался.

Лейтенант Горислав Колосов. 1943 год

Государственный экзамен на журфаке. В центре – декан Г.В. Колосов

Ему было совершенно безразлично, как живут люди. И прежде всего люди рядом. Его студенты, преподаватели, о которых он заботился и направлял. Как-то очень по-человечески, и никогда – по-менторски. Он никогда не был ментором. Он никогда не был начальником. И никогда не был подчиненным. Он был свободным человеком. Тогда это казалось даже странным. Именно поэтому многие воспринимали его как человека чуть-чуть со странностями. А он просто был свободным.

И очень хорошим человеком. Он никогда не то, что не желал никому плохого, – в его представлении даже этого не было. Плохого.

...В Новосибирске папа уже не работал. Он не работал уже в последний свой год жизни в Воронеже.

Это было решение моей мамы уехать из Воронежа в Новосибирск, где жила и живет со своей семьей моя сестра, уехавшая после университета заниматься наукой (что она и делает успешно по сей день, возглавляя лабораторию в Институте цитологии РАН РФ). Мама до сих пор еще немного работает. Провела еще столько же плодотворных лет в Новосибирском университете, сколько и в Воронеже. Но самые активные, плодотворные годы ее работы связаны именно с Воронежем, с его филфаком, который славится своей историей, достижениями, яркими личностями, которые здесь работали и были коллегами моих родителей. Это Лев Кройчик, Владимир Тулупов. А еще я вспоминаю Вадима Кулиничева, Александра Смирнова. Кстати, одно из ярких воспоминаний тех лет – спектакли студенческого театра ВГУ. Мы там бывали. И это было очень здорово!..

Музыка была моим миром довольно с раннего детства. Лет в пять я настояла на том, чтобы меня от-

дали заниматься музыке. Начинала я с уроков с частным педагогом. Потом у нас появился настройщик, который приводил в порядок инструмент. Провел у нас в доме два дня. Он-то и посоветовал моим родителям отдать меня в музыкальную школу. К школе меня подготовил папин аспирант Олег Белогрудов, который был в то же время и аспирантом Дмитрия Кабалевского. Он научил меня писать диктанты, благодаря чему меня приняли в школу сразу в третий класс. А уже когда я была в восьмом классе, у меня как будто бы и не было другого выбора. Только музыкальное училище! А потом я уехала в Москву, поступила в Академию музыки имени Гнесиных.

Мои родители очень меня в этом поддерживали. Им нравилась моя увлеченность. И они всячески способствовали моим занятиям. Но занимаясь музыкой, я не была в стороне от жизни моих родителей. Их друзья в Москве опекали меня. А потом докторант отца, профессор МГУ Владимир Горохов поддержал мое увлечение музыкальной критикой. Он отвел меня в газету «Советская культура», где я проработала 10 лет. Отец был счастлив моему выбору: родителям всегда хочется, чтобы дети хотя бы в какой-то степени продолжили их путь. Работая в «Советской культуре», я встретила Микаэла Таривердиева.

Мои родители обожали Микаэла Леоновича. А он обожал их. Они очень дружили. Мы приезжали в Воронеж. Но чаще – мои родители – в Москву.

Моя мама очень твердый, добропорядочный человек. Ее педагогический стаж сейчас – 60 лет!!! И она немного привыкла делать наставления. Так вот однажды она сказала Микаэлу Леоновичу: «Вы много курите». Микаэл Леонович ответил ей на ухо: «Татьяна Андреевна, больше никогда не делайте мне

замечаний». Это было сказано так выразительно, доброжелательно и твердо, что мама навсегда это (я бы даже сказала по-детски) усвоила...

Отца я видела в последний раз 9 мая, в День Победы. Я прилетела в Новосибирск. Отец плохо двигался. С трудом узнавал близких, чаще даже не узнавал. Мама ему казалась медсестрой в больнице, собрание гостей по случаю праздника – заседанием кафедры. Но меня он узнал.

– Папа, почему ты любишь Горького? – Не знаю, почему я его об этом спросила. Наверное, потому что полное собрание сочинений Максима Горького стояло у него на почетном месте.

– Он великий писатель, – ответил он просто.

– А что тебе нравится у него больше всего?

– «Двадцать шесть». Рассказ «Двадцать шесть», – и назвал точно том и страницу.

...В тот день, 9 мая, он попросил достать парадный костюм с медалями, мы помогли ему одеться, пошли на парад. Как и по всей стране, в Академгородке колонна ветеранов шла торжественно через центр города. Под музыку, с цветами и орденами, блестящими под солнцем.

Перед группами ветеранов несли штандарты: «Белорусский фронт», «Волховский фронт», «Карельский фронт», «Ленинградский фронт». Отец спешил, торопился. Но не мог идти быстро. Отставал. Оказывался в конце одной группы, потом в начале другой, и опять в конце. Но я подумала: ему не надо спешить. Он может идти за каждым из этих

Профессор Г.В. Колосов и студенты-иностранцы на занятиях по тележурналистике

штандартов. И он шел. Какая-то глубина его памяти вывела его на последний парад главной его Победы.

Больше отца живым я не видела.

Мы были на Икше, в нашей загородной квартире, где так любили гостить мама с папой, когда пришло известие о смерти отца. Микаэл Леонович тогда болел. И я испугалась, как я полечу и оставлю его одного. Но в этот же вечер я улетела в Новосибирск. И Микаэл Леонович меня провожал. А потом встречал. А потом, в Сочи, где мы оказались летом, мне приснился отец. Как будто он парил в облаках. А через три дня было 25 июля. Санаторий «Актер». Сочи. Последней здешний адрес Микаэла Таривердиева.

Спасибо, профессор